

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Древняя штучка

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов
Древняя штучка

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Древняя штучка / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2018 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-099650-6

Ограблена квартира академика Аркадия Дорынова. Из сейфа ученого пропал бесценный документ Античной эпохи. Сам Дорынов после покушения в тяжелом состоянии попал в реанимацию. Полковники Гуров и Крячко выяснили, что за раритетом давно охотились как наши криминальные перекупщики, так и иностранные антиквары. Но академик ни с кем из них на контакты не шел, решительно отвергал все предложения. Аферисты пытались действовать даже через его жену, женщину легкомысленную, любящую красивую жизнь... То, что она рассказала на допросе, показалось сыщикам невероятным, но очень скоро нашло свое кровавое подтверждение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099650-6

© Леонов Н. И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Леонов, Алексей Макеев

Древняя штучка

© Макеев А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Такого клева они не видели уже давно. Окунь, язь, красноперка, лещ... Рыба кидалась на крючок как ошалелая, словно сам хозяин здешних вод – общеизвестный Водяной – отдал ей свой строгий, неукоснительный приказ: «Кле-е-ва-а-а-ть!»

Порыбачив на утренней зорьке менее часа, оперуполномоченные Главка угрозыска, полковники Лев Гуров и Станислав Крячко, внезапно обнаружили, что их садки – почти под завязку. А рыба все клюет и клюет... Первым опомнился от этого наваждения Гуров. Кинув в садок очередного язя, он некоторое время помедлил, глядя на ярко-синюю гладь озера Мраморного в обрамлении густой зелени леса, и окликнул своего старого друга, который с горячечным блеском в глазах выуживал крупного окуня-горбача:

– Ну и куда ты его сунешь? Себе за пазуху, что ль?

Тот, недоуменно замерев, издал озадаченное «хм-м-м-м-м...» и, взглянув на свой плотно заполненный садок, пожал плечами:

– Ну, куда-куда... А давай я его отпущу?! А что? Сейчас это модно: поймал и отпустил, поймал и отпустил... Плыви, счастливчик! – Он кинул горбача в воду, и тот, не мешкая, тут же исчез в глубине. Помахав ему вслед рукой, Стас огорченно вздохнул: – Знаешь, Лева, как сказал Шекспир в своем тринадцатом сонете: когда слишком хорошо – это тоже нехорошо... Когда нет клева – да, это скукота. Но когда рыба клюет как полоумная – тоже скучно. Это все равно что ты пришел в бесплатный магазин и там на халяву грузишь в тележку все подряд, не разбирая. Тоска зеленая! Это уже не состязание с добычей, а примитивное «хапалово». И еще... У меня с некоторых пор появилось такое наблюдение: если на рыбалке нам везет, то гарантированно жди неприятностей. Кстати, в народе всегда была такая примета: если год урожайный на грибы, то жди войны.

– Ну, тогда давай закругляться? – смеясь, предложил Гуров. – А то вдруг станем участниками какого-нибудь военного конфликта с участием местных «хомячков»? Как когда-то – помнишь? – к нам приперлась целая бригада алкашей, которые начали «качать права» и канючить на «литруху»?

– А-а, было дело... Мы тогда где рыбачили-то? На Сизовских прудах, что ли? Ну да, ты, наверное, прав – пора уже сматывать удочки. Все! Хотя... Это как бы не вписывается в рыбацкие традиции – положено-то ловить до тех пор, пока клев не иссякнет...

– Резонно, – согласился Лев, начав паковать свои снасти. – Но мы их нарушим! Кстати, насчет Шекспира и его сонета – сам придумал?

– А ты считаешь, что товарищ Шекспир такого сказать не мог? Как тебе не...

Его последние слова заглушил внезапно огласивший просторы озера рев мотора. Вздвигая высокую волну, из-за поворота вылетел гидроцикл, летящий по озеру метрах в пяти от берега. Оглянувшись в его сторону, Крячко возмущенно заорал:

– Эй, придурок! Рыбу распугаешь!

– Да пусть пугает! – тронул его за плечо Лев. – Мы же собрались домой? Верно? Теперь уже точно можно сматывать удочки без колебаний и сомнений.

– Да, давай сматывать, а то...

Договорить Станислав не успел, поскольку его перебил звонок сотового Гурова, пропиликавший бессмертно-хитовое: «Как хорошо быть генералом, как хорошо быть генералом!...» Оба опера сразу поняли, что это их старый приятель и по совместительству их же начальник, генерал-лейтенант Петр Орлов.

– Ну, что я говорил?! Неспроста был такой клев, неспроста! Чую, ша Петруха подкинет нам «непыльную работенку», – с иронией в голосе произнес Стас.

Впрочем, ошибиться в таком прогнозе было бы достаточно трудно, поскольку любой звонок Орлова в их выходной практически всегда означал что-то внеочередное и обязательно заумно-запутанное. Голос генерала звучал суховато и деловито, но с извиняющимися нотками:

– Лева, вы со Стасом на рыбалке? Надеюсь, не слишком побеспокоил? Как у вас там, клюет?

– Уже не клюет... – чуть флегматично ответил Лев. – Но ты тут ни при чем – нам самим уже надоело то и дело закидывать и подсекать.

– Что, такой мощный клев? – мгновенно изменившимся голосом уточнил Орлов.

– Не то слово! Клев был фантастический. Но ты, как я понимаю, заходишь издалека, чтобы преподнести нам какую-то крайне «приятную» новость? Говори уж сразу, чего там припрятал в рукаве...

– Гм... Да, Лева, дело, я бы сказал, вроде и ординарное, но... – Генерал на мгновение запнулся и продолжил: – Оно очень непростое, и за его кажущейся рутинностью видится нечто весьма серьезное.

– Петро, ты так обтекаемо излагаешь, как будто хочешь меня заинтриговать, – невольно рассмеялся Лев. – Так что там и где стряслось? Давай, выкладывай. А то я уже начинаю скучать. Стас, вон, вообще уже зевает. Ну?

Но Орлов не был бы Орловым, если бы не постарался затянуть интригу.

– Знаешь, Лева, вы же скоро домой? Вот и заверните в «контору» – я на месте, тут и поговорим... День только начался, времени – полно... Ага? – предложил он с безграничной начальственной задушевностью.

– Ла-а-дно уж! Зае-е-е-дем! – склонившись к трубке, зычно уведомил Стас.

– Ну и замечательно! Жду!

Припарковав на ведомственной стоянке Главка свой старый (но необычайно надежный!) «Мерседес» (чаще прозываемый «меринном»), Станислав захлопнул дверцу и с долей сарказма объявил:

– Ой, чую, ща он нас «обрадует»! Ой, обрадует! Уж такую небось хреновину заготовил, что и за месяц нам не разгрести...

Не таил Крячко своей язвительности и войдя в кабинет Орлова.

– Ну и чем ты нас надумал «осчастливить»? – поздоровавшись, с некоторым даже вызовом спросил он.

Изобразив уже традиционный приглашающий жест, Петр предложил приятелям занять место в креслах и участливо спросил:

– Может, чайку?

– А может, ближе к делу? – предложил Гуров, вскинув вверх указательный палец. – А то пока «ля-ля-тополя», у нас рыба в машине протухнет. На дворе хоть и сентябрь, но температурка под двадцать по Цельсию, между прочим! Кстати! А давай положим ее вот сюда? – указал он на холодильник, стоящий в углу генеральского кабинета.

– Точно! Он все равно наполовину пустой. Ты как на это смотришь? – вопросительно посмотрел на генерала Стас.

– По-моему, у вас самих в кабинете есть вполне вместительный холодильник! – отмахнулся тот. – Так что воспользуйтесь им. Ну, а если ближе к делу, тогда слушайте... Около часа назад у себя в квартире был найден без сознания профессор-историк, членкор Академии наук Дорынов. По словам его жены, которая обнаружила потерпевшего и позвонила в полицию, кто-то напал на профессора, каким-то образом его усыпил, вскрыл сейф в его кабинете и взял оттуда какие-то бумаги. Что за бумаги – она не знает, но уверена, что это могло быть что-то очень важное: в этом сейфе хранились только самые-самые ценные исторические документы.

Ну, райотдел, с учетом особой ценности похищенного, тут же переориентировал заявительницу на нас. Вот теперь придется возиться с этим делом нам.

Разом издав недоуменное «гм-м-м!», опера переглянулись.

– И это – именно то, ради чего ты нас выдернул с выходного? – выжидающе прищурились, поинтересовался Лев и сокрушенно покрутил головой.

– Да, Петро, похоже, на этот раз ты и вовсе дал во-о-о-т такого маху! – Крячко, широко раскинув руки, изобразил ими нечто необъятное. – Это происшествие для какого-нибудь районного отдела, но никак не уровень Главка. Скоро нам будут втюхивать, например, кражу старых драных штанов, месяц болтавшихся на заборе, а потом вдруг исчезнувших, или каких-нибудь стоптанных галош сорок пятого размера...

С недовольной миной Орлов тягостно вздохнул, как бы желая сказать: «Ну и капризов у вас – хватит на целый детсад, да еще и на ясли останется!»

– Отвечаю по пунктам... – заговорил он, сцепив меж собой пальцы рук. – Некоторые «шибко крутые» опера, для которых только то и дело, где надо кулаками махать да палить из пистолета, считают, что безусловно ценным могут быть только лишь «ювелирка» или, там, полотна Рембрандта-Рафаэля... Однако скажу откровенно: они глубоко заблуждаются. Иной документ античной поры, – а профессор Дорынов занимается эпохой Древнего Египта, Греции и Рима, – вообще не имеет цены в денежном выражении. А в деньгах – это миллионы. Если не десятки миллионов долларов.

– Допустим... – с независимым видом обронил Гуров.

– Да не «допустим», а так и есть! Самое характерное, что вор, взяв какой-то документ из сейфа, не тронул имевшиеся там несколько золотых изделий, тоже эпохи античности. О как!

– Так может быть, никто ничего оттуда и не взял? – Стас изобразил рукой замысловатый жест. – Может быть, никакой кражи-то и не было? Если эта особа не знает, какие именно там могли быть документы, то чего подняла панику? Нет, это что-то феноменальное: «Я не знаю точно, но мне кажется, что где-то что-то пропало! Будьте добры – найдите мне пропажу!»

– А открытый сейф? – даже подался вперед Орлов.

– Дедушка-профессор в силу склероза сам забыл его закрыть... – поморщившись, саркастично усмехнулся Лев. – А тут как раз скакнуло давление, он отключился... Говоришь, жена его нашла. А она-то сама где была в это время?

– М-м-м... По-моему, у своей визажистки. Я, кстати, в телефонном разговоре сам ее об этом спрашивал: он не мог забыть про открытый сейф? Она сказала, что у него с головой все в порядке, хотя ему уже далеко за семьдесят. Нет, нет, что-то, я так понимаю, все-таки произошло. Мужики, ну, не в службу, а в дружбу: съездите, гляньте, что там и как! Если пустоцвет, тогда – все, как говорится, отпад, Каштанка! А если что-то и в самом деле реально серьезное, то... Тогда вам все же придется, други мои, покопаться, поискать...

– Ну, хорошо, давай съездим, глянем... – поднимаясь с кресла, махнул рукой Лев. – Давай нам в подмогу пару хороших криминалистов... Судмедэксперт, слава богу, не нужен. Где там этот профессор обитает?..

На улицу Звонцовую опера прибыли минут через пятнадцать. Крячко успешно миновал предобеденные пробки, прорулив через дворы и переулки, что и позволило сэкономить время. У дома двадцать девять – новенькой «башни» с одним подъездом, выходящим в благоустроенный двор, к тому же огороженный решеткой, – вдоль тротуара теснилось довольно много машин, преимущественно престижных марок. Судя по всему, проживали в этой каменной «хижине» весьма небедные люди.

Набрав на пульте домофона, установленного у калитки, номер шестьдесят, они услышали отклик женского голоса:

– Кто там?

– Уголовный розыск! – лаконично представился Гуров.

– Проходите! – обрадованно пригласила женщина, и опера с криминалистами проследовали через калитку к подъезду.

В просторном холле подъезда за столом восседал мужчина восточной наружности. Гуров показал ему удостоверение и с криминалистами направился к лифту, а Стас остался в холле, чтобы побеседовать с консьержем. Лев и два его спутника – самые опытные и знающие свое дело криминалисты Главка, капитаны Демьянов и Немельчик – поднялись на четвертый этаж.

На звонок в дверь им открыла дама лет сорока, которая небезуспешно старалась казаться на тридцать с небольшим. Лишь взглянув на нее, Лев интуитивно почувствовал, что дамочка весьма и весьма непроста. Пригласив визитеров пройти внутрь и представившись как Луиза Матвеевна Чубаткина, она рассказала о случившемся во всех подробностях.

По ее словам, сегодня утром она поехала к своей стилистке-визажистке, которая имеет свой небольшой салон в соседнем микрорайоне. Поскольку та была загружена сверх всяких норм, ей пришлось около часа дожидаться своей очереди. Затем еще около часа ушло на все положенные процедуры. Вернувшись домой, она обнаружила своего супруга лежащим в прихожей без чувств и тут же вызвала «неотложку». Прибывшие врачи констатировали, что профессор пострадал от химвепарата нервно-паралитического действия.

Заподозрив неладное, Луиза спешно осмотрела квартиру и обнаружила, что потайной сейф в кабинете мужа открыт (дверцу сейфа маскировала висевшая поверх нее картина), а в его замке торчат ключи. Предположив, что грабитель мог украсть оттуда нечто очень ценное, она позвонила в полицию. Но те, лишь узнав, кого ограбили и что именно могло пропасть, спешно переадресовали ее прямо в Главк угрозыска.

– Может, это и к лучшему, что они не рискнули взяться? – заметила хозяйка квартиры. – Нашим местным я не очень доверяю. Когда в прошлом году с машины Аркадия Тимофеевича какие-то обормоты прямо в нашем гараже сняли все четыре колеса, эти «уездные пинкертоны» так ничего и не нашли!

– Хорошо, мы приступаем... – Лев жестом руки дал понять криминалистам, что они могут начинать свою работу.

Те, тут же раскрыв свои чемоданчики-кейсы, наполненные всякими сыскными штучковинами, для непосвященного совершенно непонятного назначения, начали дотошно изучать дверные ручки, замки, стены, пол в прихожей и в кабинете и всякие другие места, на которых, по одним им ведомым признакам, могли остаться какие-то характерные, значимые для сыска следы. Гуров тем временем прошелся по просторной профессорской квартире, особо тщательно осмотрел с порога кабинет хозяина – дальше он проходить не стал, чтобы не затоптать следы похитителей (не исключалось и то, что их было несколько), после чего продолжил разговор с Чубаткиной.

Лев попросил ее рассказать о людях, которые у них часто бывают в гостях, кто мог бы знать про древние раритеты, хранящиеся в сейфе, а также о родственниках ее самой и профессора. Луиза Матвеевна сообщила, что у нее самой родственников в столице нет, да и вообще ее родных – раз, два и обчелся.

– ...Я сама из Краснодара, все мои, кто еще есть, проживают там, – пояснила она. – Родителей нет уже давно, есть только двоюродная сестра да двое племянников. Они студенты, учатся там же, в Краснодаре, на кого – не знаю. А вот у Аркадия Тимофеевича и родных, и тем более друзей в Москве предостаточно. Но перечислю только тех, с кем знакома. Мы с ним в гражданском браке живем четвертый год, поэтому знаю еще не всех.

Как Чубаткина рассказала далее, в другом конце столицы проживает родной брат профессора, Георгий Тимофеевич, который до пенсии работал обычным школьным учителем. У него двое давно уже взрослых сыновей, но с ними она не знакома. Есть сестра, тоже уже в годах – ей под семьдесят, она когда-то работала медсестрой. Ее сын Антон – племянник про-

фессора – у них изредка бывает. Последний раз заезжал где-то полгода назад. По мнению Луизы, тип он весьма скользкий, хитрый и корыстный. Своих детей у профессора трое – двое сыновей и дочь. Все они живут и работают вдали от Москвы, у отца бывают редко. Особенно после того, как после смерти жены он сошелся с Луизой.

– Не знаю почему, но дети как-то сразу восприняли меня в штыки, – обиженно вздохнула она. – Познакомились мы случайно, на симпозиуме по скифской культуре. Для его участников я организовывала культурную программу. Я Аркадию Тимофеевичу не навязывалась. Он сам уговорил меня стать его женой. Предлагал расписаться, но я отказалась. Рассудила так: сначала поживем, а потом уже решим окончательно, стоит или не стоит расписываться. Его дети, узнав о моем появлении в доме, фактически объявили нам бойкот.

– А кто они, кем работают? – поинтересовался Гуров, но в этот момент на пороге появился Станислав. Поздоровавшись, он бодро сообщил, кося любопытным глазом в сторону Луизы:

– Поговорил я с консьержем, просмотрел записи камер видеонаблюдения, сделал на флешку копии тех фрагментов, которые могут иметь отношение к происшествию... Э-э-э... Кстати! Я, кажется, не совсем вовремя? Все понял и осознал. Ладно, занимайся – извини, что перебил. Пойду, гляну, что там у парней, а потом все обсудим.

Он быстро ушел к криминалистам, а Лев продолжил разговор с Чубаткиной. По словам Луизы, дети Дорынова умом пошли в отца. Все окончили вузы, все работают на престижных должностях. По стопам отца пошла только младшая из детей – его дочь. Она, со своим мужем и детьми, проживает в Новосибирске, уже защитила кандидатскую диссертацию по истории древних жителей Средней Сибири. Самый старший сын стал геологом, сейчас он тоже в Сибири, работает первым замом генерального директора крупного горно-обогатительного комбината. Другой сын окончил мореходку и стал капитаном большого пассажирского лайнера. Отцу они периодически звонят, общаются с ним, но в гости за все это время не приезжали ни разу.

Вернувшийся к ним Стас сообщил, что у криминалистов «дело – дрянь». Чего-то такого, что годилось бы для идентификации грабителя, обнаружить пока что не удалось. Ну а от консьержа он узнал, что сегодня с утра у профессора было пять визитеров: двое его студентов-дипломников, которых он консультирует, один аспирант, под руководством профессора кропающий кандидатскую, домработница и слесарь-сантехник.

– Какой еще слесарь? – удивленно спросила Луиза. – Ни я, ни Аркадий Тимофеевич никакого слесаря не вызывали.

Заглянув в блокнот, Крячко недоуменно хмыкнул:

– У консьержа записано: слесарь-сантехник Роман Корин, управляющая компания «Оптимум». Сейчас можем его посмотреть по видеозаписи. У вас есть ноутбук, компьютер?

– Конечно! – прошептала Луиза.

Стас молча передал Гурову флеш-карту, и Лев, выведя на монитор ноутбука запись с визитом сантехника, увидел на экране идущего ко входу в здание молодого мужчину в спецовке сантехника, чем-то похожего на Бельмондо в молодости. Видео длилось менее минуты. Потом на экране появился второй фрагмент видеозаписи с другой камеры – уже внутри вестибюля.

Вот сантехник подходит к консьержу, они о чем-то разговаривают. «Бельмондо» показывает ему какую-то бумагу, консьерж что-то записывает и указывает сантехнику на лифт. Сантехник заходит в кабину лифта – и на этом видео заканчивается.

– Нужно срочно найти этого сантехника и допросить его! – категорично проговорил Лев. – Да и Аркадия Тимофеевича навестить не мешало бы! Он в какой клинике?

– Здесь, в одном квартале от нас, клиника «Ромашка», – указав рукой куда-то вбок, ответила Луиза. – Я перед вашим приездом звонила туда, мне сказали, что Аркадий Тимофеевич уже начал приходить в себя, но пока еще очень слаб.

– Станислав Васильевич, ты кого на себя берешь? – Лев оглянулся в сторону недовольно косящегося на него Крячко.

– Ну, давай поищу сантехника... – пару секунд подумав, ответил тот. – Ваша управляющая компания где находится? – с постным выражением лица спросил он у Луизы.

– Через дом от нас, в двадцать седьмом их контора...

Опера одновременно вышли на улицу, обмениваясь малозначащими фразами. На предложение Стаса довести Льва до клиники тот отказался:

– Больницу я вижу прямо отсюда – вон она. Туда ходьбы минут десять, не больше. Профессор оттуда вряд ли куда денется. А вот слесаря, думаю, тебе поискать придется...

Стас громко фыркнул и захлопнул дверцу машины, а Гуров направился быстрым шагом к машине.

Как и предполагал, до клиники ускоренным шагом он добрался меньше чем за десять минут. Узнав у дежурной медсестры о состоянии профессора Дорынова, Лев поднялся на второй этаж и, постучав в дверь двадцатой палаты, заглянул внутрь. Палата была одноместной, повышенной комфортности. На койке, свесив ноги, сидел еще крепкого вида седой мужчина преклонных лет в больничной пижаме.

– К вам можно? – спросил Лев и, получив утвердительный ответ, вошел в палату.

Поздоровавшись, он показал свое удостоверение. Ответив на приветствие, Дорынов указал ему на стул и поинтересовался причинами визита.

– А причина, Аркадий Тимофеевич, очень проста и обыденна – на вас в вашей собственной квартире было совершено нападение, и у вас что-то похитили из домашнего сейфа... Так что мое появление полностью укладывается в рамки нашей служебной рутины.

– Что-то похитили из сейфа? – недоуменно нахмурился профессор. – Вас вызвала Луиза? Сейф вы уже осматривали?

– Да, нас вызвала ваша супруга. Придя домой и обнаружив вас лежащим без сознания, она позвонила в полицию. Она же обнаружила и то, что сейф открыт, однако что именно пропало – не знает. Но, по ее словам, хранящиеся в нем какие-то древние золотые изделия грабитель не тронул. Я сейф осматривал лишь визуалью – им еще только собирались заниматься наши криминалисты

– Вот даже как... – Дорынов явно был огорчен услышанным. – Это очень плохо! Значит, они пошли ва-банк...

– Простите, но кто именно «они» и почему эти «они» пошли ва-банк? – сразу насторожился Гуров.

– Они – это международные спекулянты от науки, охотящиеся за древними раритетами. А у меня в сейфе хранился весьма необычный и ценный раритет времен не то что Древнего Египта, но и, возможно, времен самой Атлантиды. Это папирус, имеющий возраст не менее шести, а то и восьми тысяч лет. Они у меня его уже не раз пытались купить, предлагали колоссальные деньги. Но я отказался. Считаю, что он принадлежит России, тем более что в имеющемся на нем тексте есть упоминание о нашей стране. Правда, полностью текст мне расшифровать пока не удалось. Но – вы не поверите! – вынужденно побывав в почти коматозном состоянии, я вдруг понял, каков может быть ключ к разгадке нерасшифрованной части текста.

– Аркадий Тимофеевич, если этот документ имеет столь большую историческую ценность, то зачем же вы его хранили дома? Есть же специальные места хранения, куда более надежные, чем ваш личный сейф! – с укором произнес Лев. – Разумеется, мы приложим все силы, чтобы его найти и вернуть, но... Но сами понимаете, что у грабителей перед сыщиками всегда есть преимущество во времени и возможностях заметить следы. Как говорят в народе? У вора – сто дорог, а у сыщика – только одна.

Слушая его, профессор грустно усмехнулся:

– Лев Иванович, я бы и рад был поместить этот папирус в хранилище более достойное и надежное, но его туда не приняли. Да, представьте себе, его назвали новоделом, то есть фальшивкой. По мнению, так сказать, специалистов, проводивших экспертизу папируса, он сработан давно и очень умело. Но ему никак не более пятисот лет, и половина его текста – кем-то придуманная абракадабра. Им и невдомек, что первая половина текста написана на языке древних египтян, а вторая половина, как я считаю, на языке еще более древних атлантов.

– А откуда он у вас появился, этот раритет?

– Я его купил у одного среднеазиатского гастарбайтера за большие деньги. . . – после некоторой заминки признался Дорынов.

Как далее явствовало из его повествования, произошло это чисто случайно. Позапрошлой зимой знакомый всему их дому дворник Хаджи внезапно заболел, и его временно подменил его же земляк по имени Мехмед. Дело было в середине февраля, когда уже начались обычные для той поры метели. Как-то, возвращаясь домой, профессор увидел нового дворника, который, скрючившись и опираясь на метлу, стоял на ветру перед огромным сугробом. Как видно, он собирался его разгрести, но подвело здоровье.

Будучи человеком равнодушным, Дорынов остановился и спросил, не требуется ли тому какая-либо помощь. Мехмед на ломаном русском посетовал, что сам-то он еще ничего, а вот его жена совсем плоха. Ей требуется дорогостоящая операция, поэтому он сейчас и горбатится сразу на трех работах, чтобы к весне успеть собрать нужную сумму, иначе потом будет поздно.

– Скажите, гападина, а в ваш дом живут люди, которым нужно всякий старинный редкость? Я бы им продал и поехал лечить свою жена. . . – в порыве откровенности пояснил гастарбайтер.

На вопрос профессора, что это за редкость и сколько он за нее хочет, Мехмед ответил, что эта вещь постоянно с ним – он с ней никогда не расстается. И если они отойдут в более тихое место, то он покажет свою диковину. Зайдя в крохотную дворничью бытовку, где хранились лопаты и метлы, гастарбайтер достал из-за пазухи выточенный из какого-то очень твердого дерева, напоминающего самшит, которое пахло какими-то ароматическими смолами, продолговатый футляр овальной формы. В длину он был сантиметров сорок.

Сняв очень плотно подогнанную крышку, Мехмед достал из футляра нечто наподобие свернутого в трубку куска толстой, серовато-желтоватой бумаги, исписанной иссиня-черными древнеегипетскими иероглифами. Лишь взглянув на папирус, Дорынов сразу же понял, что это и в самом деле редчайший раритет очень древних эпох и стоит он может сумм, выражающихся в миллионах рублей. Но, с одной стороны, таких денег (хоть и был он человеком вовсе не бедным) профессор в тот момент выложить возможности не имел. А с другой – имелся такой этический вопрос, как происхождение этого раритета: откуда он взялся, кто им владел, не может ли он оказаться краденым?

Мехмед нехотя рассказал, что эту вещь перед поездкой в Москву ему дал его родной брат. Тот одно время примыкал к радикальным исламистам, хозяйничавшим в Ираке. Но когда ему стало ясно, что он – не более чем мелкая разменная монета, удел которой – безвестно погибнуть за корыстные интересы главарей, брат Мехмеда во время одного из боев притворился убитым, а когда стемнело, поспешил скрыться и вернуться в родные края. Эту вещь еще в Ираке он выменял на автомат Калашникова советского производства, который нашел в одном из блиндажей, покинутых иракской армией. Как этот папирус попал в руки того человека, брат Мехмеда не знал. Но, учитывая то, сколько иракских музеев было разграблено исламистами, скорее всего, он был добыт именно таким путем.

Вернувшись домой, брат Мехмеда пробовал продать раритет своим местным торговцам, но тех эта вещь не заинтересовала. Лишь один из них посоветовал везти такую диковину в Москву, где она могла найти своего покупателя и достойную цену. Но сам брат Мехмеда ехать

в российскую столицу побоялся, поскольку подозревал, что может находиться в базе данных российских спецслужб как член запрещенной в России организации и рискует быть задержанным ФСБ, поэтому отдал свой раритет Мехмеду, чтобы он отвез его в Москву.

– Ну, подумал я, подумал, да и решил: я же не себе его покупаю, а чтобы передать государству! – тягостно вздохнул профессор. – Ну, не купил бы я этот раритет, и ушел бы он за границу, как туда уходят тысячи других объектов культурного наследия – и нашего, и не нашего, чтобы там осесть в частных коллекциях, где он будет навечно похоронен. Ведь если такое случится, то возможностей изучить этот папирус ни у меня, ни у кого-то другого наверняка уже не будет.

– И за сколько же вы его приобрели? – поинтересовался Гуров.

– За двести тысяч рублей... – скромно произнес профессор. – Я как раз получил гонорар за свою новую монографию, изданную в Англии, ну и купил. Правда, Луизе пришлось остаться без норковой шубы. Она, конечно, обиделась, но... Упустить такую вещь я не мог. Еще только начав расшифровывать египетскую часть текста, я нашел там столько такого необычного, что это ставит под сомнение энное число уже устоявшихся исторических аксиом. Если этот папирус признать подлинником, то тогда десятки, а по всему миру, скорее всего, сотни историков, в том числе и с академическими титулами, окажутся у разбитого корыта. А все жаждут, условно говоря, стабильности, пусть и основанной на ложной информации...

На просьбу Льва перечислить всех, кто обращался к Дорынову с просьбой продать им раритет, тот назвал более десятка зарубежных как частных лиц, так и организаций, одни из которых были чисто научными, а другие – весьма мутными шарашками, лишь имитирующими свою принадлежность к науке. В частности, он особо выделил базирующуюся в Женеве Международную гильдию независимых историков и прописанную в Сан-Франциско Ассоциацию исторического поиска. Из частных лиц Гурова очень заинтересовал некий профессор Мартинган, преподающий в одном из университетов Уэльса, «в миру» более известный как крупный спекулянт всевозможными раритетами. Кроме того, желали купить папирус проживающий в Италии американский аукционист Джузеппе Борзини и крупный бельгийский торговец антиквариатом Рене Дюппелен.

– Аркадий Тимофеевич, а каким образом все эти организации, все эти люди узнали о вашем раритете? – выслушав профессора, спросил Гуров.

– Так я, собственно, никогда и не делал тайны из его существования, – недоуменно повел головой Дорынов. – Самое первое сообщение я сделал через неделю после того, как его купил. Как раз проходил локальный симпозиум историографов, куда был приглашен и я. К этому времени египетская часть текста мною уже была во многом расшифрована, и я в своем выступлении счел возможным сослаться на приведенные там факты.

– А что за факты? – уточнил Лев.

– Ну, например, автор текста утверждал, что пирамиды были построены вовсе не египтянами, а атлантами, которым они служили чем-то вроде средства для связи. Одни пирамиды были информационными воротами в подземный мир нашей планеты, другие – в отдаленные участки Вселенной. Общаясь с разумом иных миров, жрецы атлантов получали нужные им знания. Фантастично? Согласен. Но ведь незнание нами тех или иных фактов, событий, явлений и свойств вовсе не означает, что непознанное нами – бред и чушь несусветная. Во времена тех же древних египтян подавляющему большинству тогдашних ученых идея атомарного строения вещества, надо думать, могла показаться диким бредом. Но это же не означает, что в те времена данный факт не соответствовал действительности? То-то же!

– И как же ваши коллеги восприняли это сообщение? – спросил Гуров, заранее предугадывая ответ.

– А-а... Подняли на смех, – махнул рукой Дорынов. – Я выступал одним из первых, и поэтому почти каждый из тех, кто выступал после, я так понимаю, видел в своей порции желчи

некий ритуал «защиты чистой науки» от «экстремизма», каковой увидели в моем лице. Уже в конце симпозиума мне удалось выбить всего тридцать секунд для реплики. Я сказал, что если бы когда-то победили «ревнители чистой науки» в лице Парижской академии наук, запретившей даже рассматривать информацию о камнях, падающих с неба, ибо такого, по их мнению, вообще быть не могло, то человечество до сих пор не смогло бы подняться в космос. Знаете, для многих это стало холодным душем. Правда, о моем выступлении рискнули написать всего два или три околону научных издания. Но уже через несколько дней начались звонки и пошли предложения о продаже...

– Скажите, а сам папирус и его содержание в качестве чего мог бы заинтересовать тех, кто пытался его купить, – просто как некая диковина или как источник информации? – задал очередной вопрос Лев.

По мнению профессора, раритет мог оказаться в роли и того и другого – и как занятый артефакт, и как источник информации. Но вот только расшифровать даже его египетскую часть смог бы далеко не всякий, не говоря уже о той, которую Дорынов приписал атлантам. Только сейчас, уже когда папирус был похищен, ему вдруг пришла идея ключа к расшифровке «атлантского» текста. Но и в древнеегипетском имелось немало совершенно невероятного.

– Как мне уже удалось понять из египетской части, автор текста обладал определенными способностями к прорицательству, и некоторую часть своего «эссе» он посвятил России. Общий смысл сказанного им таков: страна, которая раскинулась на берегах северной сестры великого Нила, уже однажды спасая мир от мрака дикости и хаоса, в далеком будущем спасет его вновь. Мир, заблудившийся в массовом помрачении рассудка, пойдет за ней и спасется от неминуемой гибели. Я и об этом говорил на симпозиуме. Но на меня тут же навесили ярлык «шовиниста», «квасного патриота», а кое-кто обвинил даже в мракобесии.

– Аркадий Тимофеевич, вы сказали: «уже однажды спасая мир от мрака дикости и хаоса»... Выходит, пра-Россия и в далеком историческом прошлом спасала мир от какой-то беды? – задумчиво уточнил Гуров.

– Похоже на то... Скажем, Русь не единожды принимала на себя удар кочевников, этим самым спасая неблагодарный Запад от разорения и гибели. И последние века не раз спасала, в том числе от Наполеона и Гитлера. Значит, и в древнейшие времена случалось нечто подобное.

– Так чем же это так напугало ваших коллег?

– Так ведь «норманнская» и близкие к ней теории все еще в силе. На них, в той или иной мере, зиждется чуть ли не половина диссертаций по истории Древней Руси. Очень многим чрезвычайно выгодна такая ее трактовка: до пришествия на Русь варяга Рюрика, которого на Западе считают викингом, хотя он был из славян-венедов, русские жили на деревьях и общались одними лишь междометиями. Пришел Рюрик – они слезли с деревьев, отцепили хвосты, надели штаны и заговорили членораздельно. А пришли Кирилл и Мефодий, и беспросветно темная Русь получила-таки свою письменность... Это все то же, что нам веками внушают наши «лучшие друзья»: Россия исторически бесперспективна, живет она заимствованиями с Запада, своего у нее ничего нет, ничего и не будет. А таких и уничтожить не жалко...

На вопрос Льва о том, как ему запомнилось сегодняшнее нападение грабителя, профессор лишь развел руками – ничего этого в памяти не сохранилось. Сегодняшнее утро запомнилось примерно так: вот он работает за столом в своем кабинете, в дверь кто-то звонит, он идет в прихожую, и – все... Дальше чернота и пробуждение уже здесь, в больнице. Завершая разговор, Дорынов с надеждой в голосе спросил:

– Скажите, Лев Иванович, на ваш взгляд, найти папирус шансы еще есть?

– Шансы есть всегда, даже в том случае, когда кажется, что их уже нет совсем, – ответил Гуров с ободряющей улыбкой. – Выздоровливайте, Аркадий Тимофеевич. Я думаю, у нас с вами будет повод в недалеком будущем выпить шампанского в связи с возвращением этого раритета.

– Спасибо, Лев Иванович! – крепко пожал ему руку профессор. – Доктор сказал, что меня могут выписать уже завтра... Теперь я уверен, что все будет в порядке!

Глава 2

Расспросив Дорынова о его родственниках, проживающих в столице и за ее пределами, Лев отправился на Звонцовую. К этому времени Стас туда уже вернулся, и не один, а с «Бельмондо». Они стояли в вестибюле, и консьерж, уверенно кивая головой, авторитетно доказывал:

– Да, да, это вы здесь сегодня быть! Я вас узнавать сразу! Это вы приходите к профессор! Слушая его, Крячко жестко резюмировал:

– Зря отпираетесь, гражданин Корин! Вас сняла камера наблюдения – я вас нашел на видеозаписи, вас опознал консьерж! Какие еще нужны доказательства?

– Послушайте! – уже начиная горячиться, возмущенно потряс головой сантехник. – Во-первых, как он меня может опознать, если для него все русские – на одно лицо?! Во-вторых, каково качество изображения на камерах, только полный даун не знает. И последнее: у нас еще не отменили такое понятие, как алиби? Вот и давайте его проверим вместе. И я гарантирую, что оно у меня есть!

Опередив Стаса, собиравшегося что-то высказать, Гуров подошел к Корину и, окинув его внимательным взглядом, распорядился:

– Ну-ка, станьте ко мне боком, чтобы я вас видел в профиль!

Некоторое время он оценивающе смотрел на сантехника, после чего с сомнением обронил:

– Вроде бы тот, что на видео. Но как бы и не совсем он... Смотри: у того, что на видео, нос совсем другой. Да и подбородочек другой – округлый, женственный. У этого подбородок – угловатый, мужской. Что-то тут не то... Ну-ка, стоняйте-ка по его сегодняшним адресам, проверьте все перемещения до минуты. Это очень важно!

Корин на это облегченно всплеснул руками:

– Слава богу, хоть один разумный человек появился! Едемте, и вы наконец убедитесь, что меня и в самом деле здесь не было! – Махнув рукой поскучневшему Станиславу, он зашагал к выходу.

Вызвав на Звонцовую служебную машину – кто знает, сколько Стас будет в разъездах? – Лев вернулся в квартиру Дорынова, где эксперты уже полностью закончили свои исследования и укладывали инструменты и приспособления в кейс.

– Ну, что у вас? – поинтересовался он без особого оптимизма в голосе.

– Отпечатков – ноль, грабитель работал в перчатках, – доложил Демьянов.

– Но на полу перед сейфом удалось найти мужской волос, – продолжил Немельчик. – Волос принадлежит человеку примерно между тридцатью и сорока, шевелюра каштановая, вьющаяся, недавно ее подравнивали у парикмахера, опрыскивали мужскими духами «Париж».

– Даже духи определили? Лихо! – восхитился Гуров. – И что же мы тогда имеем? У Корина волосы светло-русые, ближе к пепельному, прямые, ощущается запах одеколона «Декабрь». Выходит, Корина и в самом деле здесь не было. Но кто же был вместо него? Думаю, такое внешнее совпадение грабителя и сантехника – очень даже неслучайно. Тут провернута какая-то заумно-хитрая комбинация...

Оглянувшись и увидев наблюдавшую за ними Чубаткину, он поинтересовался:

– Луиза Матвеевна, а вам ранее доводилось вызывать сантехника Корина для выполнения каких-то ремонтных работ? Я имею в виду человека, похожего на того, которого мы видели на видео?

Та, отчего-то несколько растерявшись, неопределенно пожала плечами и неуверенно произнесла:

– Честно говоря... Не уверена. Знаете, месяца три-четыре назад – да, мы вызывали сантехника из «Оптима», но Корин это был или Иванов-Петров-Сидоров – сказать не смогу. Вроде похож, но... Утверждать не буду, нет.

Выслушав ее, Лев кивнул и с серьезным видом произнес:

– Луиза Матвеевна, мы вас покидаем, спасибо за оказанное содействие. Но лично я с вами не прощаюсь, поскольку, вполне возможно, нам придется еще раз встретиться. Вы мне свой телефон не продиктуете? Вдруг понадобится созвониться?

Та без особого энтузиазма, что не укрылось от полковника, продиктовала номер, однако сразу же предупредила, что после обеда у нее предполагается немало разъездов, поэтому она не гарантирует, что ее удастся застать дома. Заверив свою собеседницу в том, что при необходимости он найдет Чубаткину в любом конце Москвы, Лев вместе с криминалистами направился к выходу. К этому времени к двадцать девятому дому подъехал Стас и прибыла «Волга» из Главка. Отправив своих помощников в «контору» на «Волге», Гуров сел к Станиславу и поинтересовался результатами поездок по объектам Корина.

– Результаты? – грустно вздохнул тот. – Да, Лева, ты был прав: Корин тут ни при чем. Мы с ним проехали по трем адресам – я уж с запасом времени это дело проверил! – но... Алиби у него оказалось железное.

– Ну, и что за пессимизм?! – выслушав приятеля, улыбнулся Лев. – Мне кажется, все обстоит не так уж и хило, как видится на первый взгляд. Прокол наших «оппонентов» с выбором формы ограбления дает возможность вычислить и их наводчиков, и их самих.

– Наводчиков? – Стас недоверчиво прищурился. – Полагаешь, есть и наводчик?

– Уверен. И даже догадываюсь, кто им может быть...

– Луиза? – Крячко был несколько удивлен услышанным.

– Ну вот, ты сам это и озвучил. Да, Стас, чувю, что она в этом «колесе» – никак не последняя «спица». Понимаешь, первые сомнения у меня появились уже в тот момент, когда я только вошел и увидел Чубаткину. Она была в таком внутреннем напряжении, что этого не мог заметить только слепой.

– А почему это она должна бы пребывать в состоянии эйфории? – несколько даже возмутился Стас. – Кто-то напал на квартиру, она нашла мужа чуть ли не при смерти, кто-то открыл сейф... Тут, по-моему, не до веселья...

– Стас, когда человек переживает из-за каких-то неприятностей – у него одна реакция, а вот когда опасается разоблачения – она совсем другая, – возразил Гуров. – Да, Луиза, как и большинство женщин, – прирожденная актриса. Но только меня-то не проведешь! И знаешь почему? Потому что на рабочем месте я в женщине вижу или потерпевшую, или свидетеля, или подозреваемую и обращаю внимание на ее походку, взгляд, мимику, тембр голоса, частоту дыхания, скорость реакции на заданный вопрос. А на что обращаешь внимание ты? На то, какие круглые у нее ягодицы, насколько у нее высокий бюст... Ведь так же?

– Ну, понеслась душа по кочкам! – возмущенно фыркнул Крячко. – Тебе дай только повод – заклюешь своим морализаторством. Как только Мария терпит тебя столько лет? Лева, я тоже обращаю внимание и на дыхание, и на чихание, и на... всякие иные издаваемые звуки. Но, в отличие от тебя, запредельной подозрительностью не страдаю. Сначала надо разобраться, а потом уже вешать на кого-то всех собак подряд.

– А давай разберемся! Давай! – невозмутимо парировал Лев. – Происшедшее с Дорыновым я вижу примерно в таком ключе... Некто нашел подходы к Луизе Чубаткиной и предложил ей выгодную сделку: она помогает раздобыть папирус, а ей за это платят немалую сумму денег. Но как взять папирус из сейфа, чтобы при этом увести ее от обвинений в пособничестве похитителям? Ведь любой «следак» с ходу может заподозрить жену профессора. Вот и придумали – она дает информацию, где лежит ключ, как открыть сейф. В ее отсутствие приходит грабитель под видом газовщика, электрика или сантехника, отправляет профессора в

бессознательное состояние и потрошит сейф. Но нужен ложный след, чтобы пустить по нему следствие. И Луиза вдруг припоминает, что в УК «Оптимум» на скромном посту сантехника работает человек, очень похожий на заказчика. В чем ошибка этой дилетантской ОПГ? Они слишком много смотрели прозападно-либералистских фильмов, где российская и милиция, и полиция – сплошь коррупционеры, тупые держиморды и дебилы. Поэтому и не подумали, что для нас главное – найти не формально обвиняемого, а настоящего виновника. И вот теперь их, похоже, будет ждать большой сюрприз.

– Какой еще сюрприз? – насторожился Стас.

– А такой: их хитрость не сработала, и им придется держать ответ. Хотя они пока еще уверены в обратном.

– Ну, и что же ты напрямую не сказал об этом Луизе?

– Почему не сказал? А я не любитель голословных обвинений. Знать, что человек совершил что-то нехорошее, – это одно, а вот иметь возможность аргументировать свою точку зрения чем-то конкретным – совсем другое. Поэтому, почтеннейший, нам нужны факты, и мы их будем искать. Ну что, едем к родне профессора? Ты к кому хотел бы: к сестре Дорынова или к его племяннику?

– Судя по годам профессора, его сестра уже глубокая бабушка. Вот ты к ней и езжай! – великодушно объявил Стас. – Мне интереснее общаться с молодежью. У людей в годах есть один большой недостаток – прежде чем рассказать о той же погоде, они обязательно предварят это повествованием из своей прошлой жизни. А у молодых все короче и проще: да? Да. Нет? Нет. И – все. Без мороки и канители.

– Ну, хорошо... Поехали! Только сделаем так... Ты меня отвозишь, сам отправляешься по своим адресам, а я потом вызову себе машину из «конторы». Ну, чтобы тебя не гонять взад-вперед.

– Нормально... Если что – созвонимся! – Крячко дал газу, и его «мерин» вновь покатило по столице.

Татьяна Тимофеевна Бурлакова, сестра профессора, проживала в уже выдавшей виды девятиэтажке, правда, в чем ей повезло, – на первом этаже. Узнав о том, что к ней пожаловал сотрудник уголовного розыска, пенсионерка не на шутку встревожилась.

– Я всегда знала, что Аркаша делает большую глупость, связавшись с этой хитрозадой прохиндейкой! – объявила она, ставя на стол чайный прибор. – Присаживайтесь, Лев Иванович, я вам о ней сейчас все расскажу...

За чаем Татьяна Тимофеевна и в самом деле поведала немало интересного. По ее словам, знакомство Дорынова и Луизы было вовсе не случайным. Еще когда была жива супруга профессора, они вдвоем ездили отдыхать в Сочи. И вот там, а не на семинаре по скифской культуре Дорынов впервые столкнулся с Луизой. Она в ту пору была ресторанной певичкой, да еще – в чем Татьяна Тимофеевна была уверена – подрабатывала «ночной бабочкой». Как рассказывали их общие знакомые, ставшие случайными свидетелями разговора супругов (в тот санаторий очень часто ездили отдыхать профессора и академики), жена профессора высказывала мужу претензии за его излишне пристальные взгляды в сторону ресторанной эстрады. Но особенно ее задело то, что певица, расхаживая по залу во время исполнения какого-то шлягера, провела ладошкой по его плечу, а он отреагировал на это излишне оптимистичной улыбкой.

– В тот день они крепко поссорились... – вздыхая, говорила сестра профессора. – Хотя до этого жили – всем на зависть, душа в душу. И уж так на них эта ссора подействовала, что уже на следующий день они оба уехали домой. Но на Веру – это жена Аркадия – особенно подействовала: с той поры она стала прихварывать, а потом и вовсе умерла от сердечного приступа. И вот года четыре назад в этих самых Сочах проводили семинар по скифской культуре. Пригласили и Аркадия. Не знаю, случайно или преднамеренно, но там оказалась и Луиза. Она к той поре стала какой-то там продюсершей, организовывала для семинарщиков культурную

программу. И уж тут она вцепилась в Аркадия мертвой хваткой. В первый же вечер затащила его в постель, и назад он вернулся уже женатым.

Стараясь выразиться как можно деликатнее, Лев в большей степени намекнул, чем спросил о физических возможностях профессора быть супругом молодой, пышущей здоровьем особы. На это Татьяна Тимофеевна, тоже полунамекками, дала понять, что тот, хоть ему уже под восемьдесят, здоровьем не обижен и гусар еще – хоть куда. Хотя, понятное дело, годы есть годы, и поэтому произошло именно то, что и должно было произойти, – очень скоро у Луизы стали появляться любовники. Но в жизни нет ничего такого тайного, что однажды не стало бы явным.

В минувшем году Дорынов со своей новой «половиной» собрался съездить в Сочи, отдохнуть на море. До этого они раза два ездили в Турцию и Египет. Уже были куплены билеты и путевки, но тут профессору пришло сообщение, что на территории Сибирского нагорья геологи случайно обнаружили какое-то древнее городище. Поехавшие туда омские археологи нашли такие невероятные артефакты, что профессор и думать забыл про сочинские пляжи и тут же улетел в Сибирь. Луиза в Сочи отправилась одна. И, как вскоре стало известно, тут же нашла себе ухажера в лице какого-то француза.

– Знакомая мне позвонила – а ее дочь тоже в Сочи отдыхала – и говорит: Луизка-то ваша какого-то аферюгу иноземного подцепила. И в кабаке с ним квасит, и на пляже обжимается, и по всяким фуршетам бегают...

– А почему она решила, что этот француз – аферист? – заинтересовался Гуров.

– Так она же – ну, дочка знакомой – не одна там была, а с мужем. А он у нее служит в ФСБ. Очень грамотный парень, и такая у него память – тысячи человек помнит, и знает про них все без остатка. Он на него только глянул, сразу же определил: жулик! Года три назад он и его сослуживцы разоблачили какую-то хитрую компанию, которая подряжалась чего-то там строить, а на деле только одну видимость делала, а деньги выводила за границу. И, что интересно, все нашенские ворюги сели, а этот француз – вот уж дока по мошенничеству! – отвертелся. Нигде его подписей нет, от всего отказался. И вот опять к нам приехал, опять, видимо, чего-то замышлял...

– Это было в прошлом году? – уточнил Лев, отпивая уже остывающий чай.

– Да, в прошлом. Но неделю назад эта же знакомая опять мне звонит... То да се... И уже под конец говорит: Луизку-то с французом тем опять видели вместе. Я спрашиваю: а она сейчас где? Опять, что ли, в Сочи? Да нет, в Москве, сказала моя приятельница. На Тверской чего-то там околачивались... Вот мне сейчас и подумалось: уж не этот ли француз причастен к краже у Аркадия?

– А как бы связаться с зятем вашей знакомой? – спросил Лев.

– Точно я не в курсе, но он сейчас где-то в командировке. А когда он куда-то уезжает, связи с ним не бывает и по месяцу, и более того... – ответила пенсионерка.

Мысленно констатировав, что в принципе на зятя знакомой можно будет выйти и через полковника ФСБ Вольнова, их со Стасом хорошего приятеля, Гуров уточнил его имя и в завершение разговора поинтересовался:

– А Аркадию Тимофеевичу вы не рассказывали о похождениях Луизы?

– Нет, Лев Иванович, не стала. А что толку? Когда он с ней сходил, мы все, то есть его родственники, сразу сказали ему: берешь ты себе жену «общего пользования». Он отмахнулся. Ну, он взрослый, ему видней... Теперь пусть и имеет то, что имеет.

Задав Татьяне Тимофеевне еще несколько вопросов, Гуров попрощался. Выйдя на улицу, он созвонился с Александром Вольновым. Тот, услышав Льва, очень обрадовался – из-за бесконечных забот они давненько уже не общались. Вкратце обменявшись новостями, Лев попросил его найти информацию о некоем французе, который совместно с членами российской ОПГ, несколько лет назад задержанной и осужденной за мошенничество в особо крупных размерах,

вывел за границу несколько миллионов долларов. Назвал Александру и имя его коллеги, который участвовал в разоблачении этой шайки. Немного подумав, Вольнов задумчиво произнес:

– Этого сотрудника я знаю, хоть и шапочно. А вот что касается той аферы... Похоже, тебе рассказали о деле «фиолетовых». Ну, членов этой банды так прозвали за то, что они носили носки фиолетового цвета и опознавали друг друга, приподнимая штанины. Да, было такое. Восемь человек отправились на зону, от пяти до двенадцати лет им «припаяли», а вот француз благодаря адвокатам сумел выкрутиться.

– Да, именно так и было, – подтвердил Гуров.

– Ну, все ясно, о ком ты спрашиваешь. Зовут этого фрукта – Анри Дебирэ. А почему он вдруг тебя заинтересовал?

Выслушав сжатый рассказ Льва о ситуации с профессором Дорыновым и украденным у него артефактом, Александр озабоченно резюмировал:

– Хреновое дело! Такие вещи, как правило, в момент перебрасывают за границу. Если раритет украден был сегодня утром, то... Здесь он может задержаться лишь при счастливом стечении обстоятельств.

– На это только и надежда... – без особого оптимизма в голосе обронил Гуров.

– Да, и мы не будем ее терять! – откликнулся Вольнов. – Держи меня в курсе. По мере возможности постараюсь чем-то вам помочь. Привет Стасу!

Закончив разговор, Лев набрал номер информотдела Главка и, услышав отклик его начальника, майора Жаворонкова, поручил установить местонахождение Дебирэ. Оглядевшись по сторонам и увидев прибывшую служебную машину, он направился к ней, но в этот момент его телефон выдал пионерски-хитовое: «Если с другом вышел в путь, если с другом вышел в путь...» Это означало, что его жаждет услышать Стас.

– Лева, – голос Крячко звучал с ноткой интриги, – ты уже закончил? Уже в курсе про забугорного любовника Луизы?

– Да, даже знаю, как его зовут.

В телефоне на пару мгновений установилось озадаченное молчание. Наконец, прокашлявшись, Стас уточнил:

– И как же?

– Анри Дебирэ. Мне Саша Вольнов подсказал – года три назад Дебирэ проходил по делу «фиолетовых».

Лев вкратце изложил ту скандальную историю. Похоже, услышанное Станислава огоршило окончательно.

– Ни хрена себе! – только и смог прокомментировать он. – Ты уже и с Саньком успел переговорить? Ну а я вот что успел узнать нового. К Деду – как вся родня именует профессора – довольно часто обращаются за материальной помощью. И он, по мере возможности, помогает. Поэтому племянник Деда, его зовут Антон, уверен в том, что среди родни Дорынова таких, кто бы мог стать пособником грабителя, не найдется. А вот в отношении Луизы – он на все сто уверен, что она очень корыстна и ради денег вполне могла пойти на сговор.

Сев в машину, Лев распорядился ехать на Звонцовую, двадцать девять. Подъезжая к дому, он созвонился с Луизой. Как видно, почуяв, что продолжение разговора с «сухарем» Гуровым ничего хорошего ей не сулит, та попыталась от встречи отвертеться, сославшись на некие срочные дела. Выслушав ее сбивчивые объяснения, Гуров совершенно безмятежным тоном произнес:

– Как знаете... Хорошо! Вам прямо сейчас доставят повестку на завтра. Приедете к нам в Главк. Будем беседовать там.

Поняв, что от настырного полковника просто так не отделаться, Чубаткина поспешила внести коррективы и объявила, что – да и хрен бы с ними, с этими неотложными делами! Поэтому всего через пару минут Гуров уже шагнул через вестибюль к кабине лифта.

Луиза, пытаясь скрыть свою тревогу, старалась казаться гордой и независимой. В тональности училки математики, проверяющей домашнее задание, она поинтересовалась результатами поисков «господ сыщиков». На это Лев лишь усмехнулся и сообщил, что расследование идет семимильными шагами, и тут же задал свой вопрос:

– Вам знаком такой человек, как Анри Дебирэ?

На несколько секунд утратив способность что-то членораздельно произносить, Чубаткина лишь ошарашенно смотрела на опера. В этот момент она напоминала какого-нибудь деревенского простачка, который впервые попал в цирк и увидел там представление иллюзиониста. Судя по всему, она даже помыслить не могла, что кто-то еще, кроме нее самой, может знать имя ее любовника. Поэтому, все-таки взяв себя в руки, растерянно спросила:

– А откуда вы о нем знаете?..

Гуров на это едва не рассмеялся – настолько нелепо прозвучал ее вопрос.

– Сорока на хвосте принесла, – пояснил он с ноткой иронии. – Как явствует из вашего ответа, этот человек вам знаком. Тогда второй вопрос: это он при вашем содействии совершил нападение на Аркадия Тимофеевича?

– Н-не-е-т... – отрицательно помотала головой Луиза. – Ничего такого не было! О каком нападении и каком содействии вы говорите?! Что за бред?!!

– Очень жаль, что вы избрали такую тактику – все отрицать и пытаться скрыть. – Теперь уже Лев говорил в тональности учителя, который пытается вразумить непосlušную ученицу. – Доказать вашу причастность особого труда не составляет – как известно, шило в мешке утаить практически невозможно. Скажем, мне достаточно отправить номер вашего телефона нашим экспертам, и они очень быстро установят, когда и сколько раз вы созванивались с Дебирэ. А проверка вашего компьютера может дать еще больше информации к размышлению. И последнее... С минуты на минуту я жду сообщения о том, где в данный момент он может находиться. Дело ваше – молчите... Но если дойдет до суда, тогда для вас будет иметь большое значение, в качестве кого вы там предстанете – случайной соучастницей или организатором нападения и хищения ценного раритета. Соответственно, вам будет не все равно, какой срок вы получите – условный или реальный.

С выражением мучительного сомнения на лице Луиза стиснула руки и, прерывисто вздохнув, с трудом выдавила:

– Хорошо... Я скажу... Да, это был Анри, это он взял папирус. Он проживает в гостинице «Люксембург». Правда, я не знаю, в каком номере...

– Секунду! – вскинув палец, остановил ее Гуров и, достав телефон, набрал номер Крячко.

Услышав отклик приятеля, который в этот момент беседовал с Георгием Дорыновым, Лев сообщил, где именно можно найти Дебирэ.

– Стас, давай срочно туда – вдруг он еще не успел смыться? Хорошо? Давай, в режиме «аллур три креста», а то и все четыре. Потом позвонишь! Слушаю вас... – Он снова переключился на свою собеседницу, но тут его перебил звонок телефона. Жаворонков сообщил, что Дебирэ числится проживающим в гостинице «Московский уют», номер двадцать третий. Гуров распорядился немедленно перезвонить Станиславу, поскольку тот отправился по ложному адресу в «Люксембург».

– Не в «Люксембурге» он проживает, а в «Московском уюте», – сухо вато обронил он, взглянув на Луизу.

– Скотина!.. Опять обманул. Это у него в порядке вещей. Мы с Анри познакомились в прошлом году в Сочи, чисто случайно. Хотя... Если хорошенько подумать, то, может быть, и не случайно вовсе. Мы тогда собирались лететь в Сочи вместе с Аркадием, но за день до вылета ему кто-то позвонил, и он, толком даже ничего не объяснив, умчался куда-то в Сибирь. Я была на него сильно обижена и поэтому, когда на пляже ко мне подошел Анри и начал ухаживать, не

стала противиться. Ухаживать за женщинами он умеет – цветы, комплименты... Зашла речь даже о том, чтобы нам с ним вместе уехать во Францию.

– А Аркадий Тимофеевич знал о вашем увлечении этим французом? – спросил Гуров с ноткой обыденной деловитости.

Кивнув, Чубаткина пояснила, что тот, скорее всего, об этом догадывался. Впрочем, по ее словам, последние два года их супружеские отношения как таковые превратились в простую формальность. В позапрошлом году зимой Дорынов ездил на Кольский полуостров, где местные жители нашли какие-то древние наскальные рисунки. Там он сильно простудился и после этого целый месяц отлежал в больнице. И если до этой болезни он как мужчина, несмотря на возраст, был «вполне ничего», то после болезни «съехал на ноль», и между сожителями установились отношения товарищески-соседские. Проживают они на одной жилплощади, Луиза в какой-то мере исполняет обязанности домохозяйки, готовит на кухне. Домработница у них в основном только моет полы, протирает пыль...

Выслушав ее, Гуров прошелся по комнате и, остановившись перед Луизой, произнес:

– Вернемся к Дебирэ. Насколько мне известно, в прошлом году ваши с ним отношения были разорваны?

– Да, мы расстались, – чуть нервно кивнула она. – Я застала его с какой-то пигалицей – они обнимались в пляжной раздевалке. Понятное дело, закатила ему скандал и послала его ко всем чертям. На следующий же день уехала домой и даже уже стала о нем забывать. Но недели две назад он мне вдруг снова позвонил. Попросил прощения, сказал, что все так же одинок, что помнит обо мне и мечтает, чтобы мы снова были вместе.

– А он знал о папирусе? – Лев вопросительно прищурился.

– Да, знал. Еще там, в Сочи. Как-то он сказал, что, когда мы с ним будем жить в Париже, он купит мне самое красивое кольцо. Ну, а я посетовала, что мой муж таких предложений не делает. Он скорее деньги потратит на какую-нибудь чушь. Ну, и рассказала в двух словах про то, как Аркадий за кусок папируса отдал азиатскому «гастеру» двести тысяч рублей. Ну и вот... Мы с ним встретились. Он целовал руки, восхищался мною, сказал, что уже не раз корил себя за прошлогоднее легкомыслие с той сопливой нимфеткой. Если бы не та глупость, мы бы уже давно были неразлучны.

– Ага! И тут он как-то «случайно» вспомнил про папирус... – чуть насмешливо подсказал Лев.

– Да, он и в самом деле вспомнил про папирус и спросил, не продал ли его Аркадий, – с конфузливой улыбкой подтвердила Чубаткина. – Я сказала, что папирус все еще у него. Он хранится в домашнем сейфе за репродукцией картины Сальвадора Дали. Простой сейф, без всяких заумных кодов и секретов. Ключ вставил, и он открылся. Правда, ключ постоянно в кармане Аркадия – он с ним не расстается.

Впрочем, как явствовало из дальнейших пояснений Луизы, с ключом тоже было не все так просто. Да, замок сейфа каких-то особых манипуляций не требовал. Но, тем не менее, если в его скважину вставляли пусть и похожий, но не его «родной» ключ, то замок тут же блокировался, и открыть его можно было, лишь выполнив определенные манипуляции, о которых Чубаткина не знала. Но она была в курсе, что на связке у мужа есть два ключа, похожих на тот, что от сейфа, и знала приметы, по которым можно было отличить нужный ключ от прочих.

– Да-а-а... – иронично улыбнулся Гуров. – Ключ вставил, и – сейф открылся. Прямо как в том мультике: потяни, деточка, за веревочку, дверь и откроется! Таким образом, весь вопрос упирался в то, как завладеть ключом... Кроме того, Дебирэ в разговоре с вами опять кое-что припомнил: кто-то из его знакомых, увлекающихся редкостями, готов за такую уникальную вещь выложить чуть ли не миллион евро. Верно?

– Да... Все так и было. – Луиза понурилась, ее уши стали пунцовыми.

По ее словам, Дебирэ сказал ей, что может ненадолго усыпить Аркадия, причем без ущерба для его здоровья, чтобы, взяв ключ, достать из сейфа папирус, после чего они вдвоем тут же отправятся в аэропорт. Ей с собой нужно лишь захватить загранпаспорт с визой одной из стран Евросоюза. Но до этого им нужно было придумать способ, как отвести от себя подозрения, чтобы их не смогли обвинить в ограблении Дорынова и не стали искать через Интерпол. И Луизу в какой-то момент осенило – она вспомнила, что к ним как-то раз приходил сантехник, в точности похожий на Анри. Дебирэ этот план очень понравился. Он несколько дней готовился, входил в образ, раздобыл спецовку и все прочее, чтобы выглядеть настоящим сантехником. Минувшим вечером он позвонил Луизе и сказал, что полностью готов, утром ей нужно будет ждать его у своей визажистки. А он, как и договаривались ранее, взяв папирус, заедет за ней, и они вдвоем немедленно улетят за границу.

– Я, как последняя дура, собрала в сумочку все документы, кредитки, украшения и сидела в салоне как на иголках, все ждала его звонка. – Луиза неожиданно всхлипнула. – А он все не звонит и не звонит. И я вдруг поняла: он обманул. А Аркадий, может быть, сейчас нуждается в медицинской помощи. Вернулась домой... И в самом деле – Аркадий на полу без сознания, сейф открыт, телефон Анри не отвечает. Вызвала «Скорую» и позвонила в полицию. Надеялась, что его поймают.

– Хм... Но вы должны бы хорошо понимать, что его задержание гарантированно будет означать то, что вам придется отвечать перед судом, – пожал плечами Лев.

– Плевать! – глядя в пустоту, выпалила Чубаткина. – Главное, чтобы не ускользнул от суда этот скользкий пройдоха и подлый обманщик!

Телефон Гурова в этот момент запиликал детскую песенку про дружбу. Голос Стаса был преисполнен крайней досады:

– Трындец, Лева! «Спекся» наш француз, как Наполеон под Бородино.

– Что такое? – насторожился Лев, почуяв что-то неладное.

– Да я только что подъехал к гостинице, а мне уже звонят из Главка, что Дебирэ в своем номере был найден без признаков жизни. А им об этом сообщили из здешнего райотдела. Кто мог его грохнуть – все без понятия. Дроздов и Демьянов с Немельчиком уже летят сюда на всех парах.

– Понял! Сейчас буду! – Сунув телефон в карман, Гуров развел руками: – Все, Луиза Матвеевна, теперь Дебирэ «светит» только суд небесный – для земного он уже недостижим. Я уезжаю, а вас попросил бы за пределы Москвы никуда не отлучаться, вы еще можете понадобиться.

– Да, конечно... – посерев лицом, почти прошептала Чубаткина.

«Тебе, голубушка, просто неслыханно повезло... И даже если сядешь – это куда меньшая беда в сравнении с тем, что тебя могло бы ждать в «сладостном» Париже», – подумал Лев, выходя из квартиры на лестничную площадку.

Глава 3

К гостинице «Московский уют» он прибыл минут через пятнадцать. Отель, украшенный четырьмя звездами над входом, являл собой семиэтажное здание, построенное «под старину» – что-то среднее между рококо и ампиром. Главковский шофер Володька припарковал свою «Приору» в длинном «калашном ряду» всевозможных авто. Выйдя из машины, Гуров ускоренным шагом взбежал на крыльцо и, пройдя через просторный холл с восседающим за стойкой молодым портье в отменно сшитой униформе, которому он на ходу показал свое служебное удостоверение, по широкой лестнице поспешил на второй этаж. Двадцать третий номер он опознал издали по настежь распахнутой двери и «пикетам» любопытствующих постояльцев, которые, толпясь кучками, осторожно заглядывали внутрь номера. Сопровождаемый их любопытствующими взглядами, Лев вошел в помещение, закрыв за собой дверь: тут не цирк, тут произошло убийство. На большой «двухспалке» он с порога увидел мужчину лет под сорок типично галльского этнотипа, который лежал ничком. Одет француз был в одну лишь светлую рубашку с широко расстегнутым воротом, от пояса и ниже он был укрыт простыней, что говорило об отсутствии хоть какой-то одежды в этих местах.

Крячко в глубине комнаты о чем-то доверительно беседовал с молодой женщиной в гостиничной униформе. У постели умершего, как всегда с постным, скушающим видом, манипулировал судмедэксперт Дроздов. Криминалисты Демьянов и Немельчик исследовали все, включая туалет и душевую, к чему могли прикоснуться руки убийцы. Хотя не исключался и такой вариант, что никто этого жулика Дебирэ не убивал, а он умер сам, без постороннего вмешательства, например, не пережив неистовой, запредельной радости, которую возбудила в нем очередная удачная афера.

Подойдя к Стасу и горничной, Лев первым делом попросил рассказать об обстоятельствах обнаружения усопшего иностранца. Девушка, назвавшаяся Ириной, сообщила, что нашла умершего около получаса назад. Ее обеспокоило то, что постоялец из двадцать третьего, который собирался покинуть гостиницу вскоре после обеда, отчего-то не сдал ключ. Дверь номера оказалась заперта. Когда Ирина открыла ее своим ключом и вошла, то сначала ей подумалось, что Дебирэ спит, хотя и в весьма неэстетичной позе, к тому же в полуголом состоянии. Дико смущаясь, она попыталась его разбудить. Осторожно взяв Дебирэ за ногу (в три часа дня у него самолет Москва – Париж, он, понимаете ли, повалиться надумал!), она вдруг поняла, что он... мертв!!!

В ужасе девушка выбежала из номера, «на автопилоте» успев хотя бы накинуть на него простынку, и побежала к портье, вместе с которым они и вызвали полицию и «Скорую». Поскольку усопшим оказался иностранец, местный райотдел немедленно «перевел стрелки» на Главк. До прибытия сотрудников Главка в номер никто не входил. «Скорая» приезжала, но ограничилась только тем, что официально зафиксировала факт смерти.

– Вещи француза проверяли? – вопросительно взглянул на Станислава Гуров.

– Да, вместе с ребятами глянули... – мотнул тот головой в сторону криминалистов. – Ну, что там? Обычные вещи – ничего особенного. Деньги – тысяч пять евро, личные документы... Кстати! В тайнике дорожной сумки оказался второй паспорт на имя Франсуа Лонграна, причем с фотографией того же Дебирэ. Вот такой «хитрозадый мусью»... А, да! Почему-то при нем не оказалось телефона. Скорее всего, его унес тот, кто был с ним в номере. Возможно даже, его убийца.

– Ясно... Но никакого деревянного контейнера с папирусом вы не обнаружили? – вновь окидывая взглядом комнату, спросил Лев.

– Нет, в вещах ничего похожего не было. Мы уже и весь номер обшарили – не спрятал ли он раритет где-нибудь в укромном углу? Ириночка, а у вас в номерах для постояльцев каких-нибудь потайных хранилищ не оборудовано? – обратился Стас к горничной.

Та, отрицательно качнув головой, пояснила, что в их гостинице что-то ценное обычно сдается портье, в специальное хранилище с кодовыми замками и персональными ячейками.

– Я – к портье! – разом загоревшись, Стас торопливо вышел из номера.

А Гуров продолжал расспрашивать горничную.

– Этот Дебирэ с кем-то из постояльцев гостиницы какие-то отношения поддерживал? Скажем, с женщинами? Ну, или с мужчинами?

Уверенно кивнув в ответ, Ирина рассказала, что с женщинами постоялец этого номера вроде бы не встречался, а вот с мужчинами...

– На третьем этаже проживает американец. С ним – да, он встречался. Думаю, что довольно часто. Несколько раз я это видела лично: то Дебирэ к нему в гости ходил, то этот американец сюда спускался. И, знаете... – Девушка порозовела и закашлялась. – Дня два назад иду по коридору, уже вечер был. Впереди – эти двое. У двери двадцать третьего остановились, и – чмок! – друг друга в губы. Тут меня увидели и поспешили скрыться в номере.

– Вы мне можете показать номер этого американца?

– Да, он проживает этажом выше, в тридцать восьмом.

Они поднялись на третий этаж и подошли к двери с цифрой «тридцать восемь». Но на их стук никто не откликнулся.

– Подождите, Лев Иванович! – Ирина огляделась по сторонам. – Давайте я сейчас позову Катю, горничную по этажу. Может быть, она что-то знает?

Не успела девушка сделать и пару шагов, как из ближнего к ним номера вышла росленькая брюнетка в униформе.

– О, Катя! – обрадовалась Ирина. – Ты нам нужна. Слушай, а этот американец, он где сейчас может быть?

Та, пожав плечами, изобразила недоуменную гримасу:

– А кто его знает? С утра был у себя, потом побежал к своему любовничку в двадцать третий...

– Катя, а вы точно знаете, что они с Дебирэ были любовниками? – уточнил Гуров.

– Дебирэ – это тот, что из двадцать третьего? Ну да, они частенько в тридцать восьмом «кувыркались», а иногда и в двадцать третий спускались, видимо, для разнообразия. Последний раз я видела Фэртона сегодня около одиннадцати, он как раз бежал в двадцать третий. Тьфу, уроды!

– И где же он сейчас может быть, этот америкос?

– Да сейчас узнаем! – Горничная достала из кармана фартука мини-рацию и, нажав на кнопку, спросила: – Женя, слушай, а Фэртон, американец из тридцать восьмого, мимо тебя не пробежал?

– Пробежал! – донесся из рации мужской голос, искаженный хрипотцой динамика. – Около получаса назад промчался мимо меня, как будто за ним кто-то гнался.

Поспешно взяв у Кати рацию, Гуров задал свой вопрос:

– Евгений, а он бежал налегке или у него с собой что-то было, какая-то сумка? Это полковник Гуров, уголовный розыск.

– Да, сумка у него была, – подтвердил портье, – но не дорожная, а такая, легкая, чтобы брать с собой на прогулку по городу. Ключ от номера он не сдавал.

– А кто он такой, этот Фэртон? – спросил Лев, внутренне испытывая крайнюю досаду: он уже понял, что американец попросту куда-то смылся.

– Джордж Фэртон? Он – ученый-историк, магистр, из университета в Оклахоме. Сюда приехал на конференцию по истории средневековой России.

Поблагодарив портъе, Гуров вернул рацию и, достав свой сотовый, связался с Орловым. Тот откликнулся немедленно, как будто ждал этого звонка. Вкратце изложив ему последние события (известие о смерти Дебирэ и исчезновении Фэртона Петр прокомментировал весьма сердитым междометием), Лев сказал, что было бы неплохо на вокзалы и в аэропорты немедленно дать информацию об американце. По его мнению, если тот еще никуда не скрылся, его нужно под каким-нибудь благовидным предлогом «тормознуть» и немедленно вызвать туда их со Стасом.

– Организуем! – пообещал Орлов, и в телефоне зазвучали короткие гудки.

Лев спустился в двадцать третий номер, куда уже успел вернуться Станислав. По словам Крячко, они с Евгением проверили в хранилище двадцать третью ячейку, но она оказалась пустой. Портъе созвонился со своей сменщицей, и та сообщила, что сегодня рано утром, еще до их пересменки, Дебирэ забрал из своей ячейки какой-то предмет, завернутый в полиэтиленовый пакет-«маечку». Предположительно, это мог быть телефон спутниковой связи. Почему француз держал гаджет там – осталось неизвестным.

– А что с американцем? – поинтересовался Стас.

– Смелся, зараза! – с досадой сообщил Гуров. – Думаю, уже вылетел из Москвы в неизвестном для нас направлении.

– Не зависящий от нас прокол... – сердито фыркнул Стас. – Ну и что тогда? Будем смаывать удочки? Вызвать труповозку, и – «гуд бай, беби»?

Но Гуров был настроен иначе.

– Нет уж! Будем добивать эту ситуацию до конца. Сейчас надо просмотреть записи камер видеонаблюдения, отследить, на чем он уехал, а потом уже думать дальше... Давай так: я иду заниматься камерами, а ты с ребятами проверишь тридцать восьмой номер. Его отпечатки нам, не исключено, могут пригодиться.

– Ясно! – без особого энтузиазма согласился Станислав. – Нам и мартышкин труд по плечу... Тем более что парни вон уже заканчивают. Ща пойдем.

– Мартышкин не мартышкин, но все шансы надо использовать по полной, даже самые дохлые! – решительно проговорил Лев и направился к выходу, однако его в этот момент окликнул Дроздов:

– Лев Иванович, я уже закончил. Подробности интересуют?

– Конечно! – Гуров немедленно вернулся назад.

По словам судмедэксперта, первоначально он предполагал удушение потерпевшего, поскольку на его шее имеется едва приметная странгуляционная борозда. Тем более что рядом с кроватью обнаружился распушенный галстук-самовяз, который, скорее всего, и стягивал шею Дебирэ. Но, еще раз все проверив и взвесив, Дроздов свое заключение скорректировал до прямо противоположного: смерть наступила от остановки сердца в момент сдавливания шеи, что не являлось попыткой убийства.

– Есть предположение, что он решил поиграть в «удавочку»? – Лев сразу же догадался, что он имеет в виду.

– Ну да, что-то наподобие... – согласился Дроздов. – Одна из рискованных утех озабоченных маргиналов, когда оргазм достигается сдавливанием сонных артерий. Кстати, как я понял, произошло это в момент его гомосексуального контакта с другим мужчиной. Вполне возможно, тот и затягивал на его шее галстук. У Дебирэ, скорее всего, сердце не выдержало и остановилось на пике эмоций.

– Все поня-я-я-тно! – саркастично хохотнув, протянул Крячко. – Доигрались два идиота! Видимо, когда у Дебирэ схватило сердце и он скукожился, Фэртон перепугался и решил удариться в бега.

– Но раритет захватить с собой он не забыл... – покачал головой Гуров. – То-то он и вещи здесь бросил, и номер не стал сдавать – ноги надо было уносить. Ладно, пойду, гляну видео... В нашей жизни всегда есть место чуду. Даже в жизни сыщика...

– Ну-ну... – обронил Стас с оттенком язвительности. – Мы все спешим за чудесами...

– Кстати, Лев Иванович, – выглянул из ванной Демьянов. – Не знаю, нужно это теперь или нет, но тот волос, что мы сегодня нашли в квартире Дорынова, – сто из ста! – потерял Дебирэ. Я на него только глянул и даже без экспертизы понял, что это его.

Портье Евгений охотно согласился помочь Льву. Оставив вместо себя одну из горничных, он проводил полковника в каморку, где был установлен компьютер, экран монитора которого был разделен на восемь квадратов, по числу установленных камер. Проворно пробежав пальцами по клавиатуре, Евгений нашел видеосъемку последнего часа и, стукнув пальцем по клавише «энтер», включил видеозапись.

На экране появилось изображение гостиничного холла. Некоторое время спустя по лестнице со второго этажа чуть ли не вприпрыжку спустился худощавый, крепкий тип, который, не задерживаясь, прошмыгнул к входной двери и почти выбежал на улицу.

– Жень, еще раз, только медленно! – попросил Гуров.

Теперь он смог рассмотреть американца куда более детально. Этот тип, внешне чем-то похожий на какую-то голливудскую кинозвезду, как-то не очень походил на академического работника, скорее он смахивал на агента спецслужб. Когда Евгений включил запись, сделанную камерой на парковке перед гостиницей, Лев увидел, как Фэртон взмахом руки остановил оказавшееся неподалеку от него такси и, прыгнув на заднее пассажирское сиденье, через пару мгновений куда-то умчался. По его просьбе Евгений отмотал запись назад, и на увеличенном стоп-кадре он смог разобрать буквы и цифры номерного знака машины. Немедленно позвонив в информотдел Главка, Лев распорядился, чтобы срочно разыскали названное им такси. Сбросив на флешку оба фрагмента видеосъемки и загрузив их в телефон, он и эти кадры отправил в Главк, чтобы там выбрали наиболее удачный и на его основе размножили фотопортрет американца.

Когда он поднимался наверх, чтобы глянуть на результаты изучения криминалистами тридцать восьмого номера, ему навстречу попались двое крепких санитаров из морга, ногами вперед выносивших на носилках накрытое простыней тело Дебирэ. Проводив их взглядом, Лев внутренне испытал мимолетное сожаление.

«Ну, и на что он потратил свою жизнь, этот чудила французский?! На то, чтобы на халяву урвать денег, кого-то обдурить, кого-то предать, кого-то озлобить?.. Семьи у него, скорее всего, нет – какая семья у «гомосека»? Получается – вся жизнь псу под хвост. И если вдруг родственников у него не обнаружится, то его последним приютом станет безымянная могила-«общезитие», с такими же невостребованными, безымянно-безвестными... Это ли достойный жизненный финал?!»

В номере Фэртона работа была уже почти закончена. Криминалисты сняли отпечатки пальцев, обшарили все углы и закоулки, но ничего особенного найти не удалось, за исключением валявшейся рядом с кроватью стандартной карты памяти, которая, возможно, могла содержать какую-то значимую информацию.

Когда они в сопровождении горничной Кати покидали номер, на телефон Гурова пришел звонок от информационщиков Главка. Начальник отдела майор Жаворонков сообщил нечто неожиданное и в чем-то даже невероятное: по информации, полученной из столичной ГИБДД, такси, на котором из гостиницы уехал Фэртон, по пути в Шереметьево попало в ДТП. Его водитель сейчас в больнице – у него закрытый перелом голени, пассажир бесследно исчез. Кроме того, информационщики установили, что человек по фамилии Фэртон Москву не покидал ни на самолете, ни на поезде. Все транспортные узлы оповещены, и теперь, если там появится некто, называющий себя Фэртоном, он гарантированно будет задержан.

Поблагодарив информационщиков, Лев с многозначительной улыбкой взглянул на Стаса, который напряженно наблюдал за ним, пытаясь понять, чего же такого интересного ему могли сообщить. Поскольку Гуров продолжал молчать, Станислав, терзаемый любопытством, не выдержал и как бы невзначай поинтересовался:

– Ну, и чего там нового?

– Прислали подтверждение того, что в работе сыщика чудеса и в самом деле случаются... – все с тем же хитровато-невозмутимым видом проговорил Лев.

– Ты хочешь сказать, что...

– ... Что кто-то за нас усердно помолился и поставил дюжину свечек святому, который покровительствует сыщикам. В общем, интересующее нас такси попало в ДТП, и мы сейчас едем в травматологию знакомиться с таксистом. Надо выяснить, куда мог смыться Фэртон. Ему, кстати, по словам шофера, тоже досталось нехило... Все, едем в травматологию на Черноморской!

Проходя по достаточно компактному, но уютному, изобилующему клумбами и газонами двору клиники, опера в какой-то момент начали думать, что нынешний день в столице целиком и полностью посвящен всевозможным ДТП, причем с жертвами разной степени тяжести. На их глазах к пандусу приемного покоя одна за другой подскочили две машины «Скорой», из которых санитары выволокли каталки с лежащими на них стонущими и плачущими жертвами аварий. Глядя на этот, по сути, конвейер дорожных бедствий, Крячко ткнул Гурова пальцем в плечо:

– Слушай, Лева! Есть классная идея: любителей погонять на повышенных скоростях, к тому же «под градусом», надо привозить сюда. Ну, чтобы они постояли здесь, заглянули в палаты, понюхали хлорку и карболку... Думаю, у многих мозги тут же встали бы на место!

Но Гуров в целесообразности такой затеи усомнился с ходу:

– Не знаю, не знаю!.. Как говорят французы, если человек полный дурак, то это надолго. Помнишь, одно время у дорог начали ставить машины, сплюсненные и разорванные в авариях? И – что? Меньше стало ДТП? Да что-то не очень. Был даже случай, когда один пьяный обалдуй врезался в такую вот придорожную «наглядную агитацию».

Приятели прошли через вестибюль с ворчливой теткой-санитаркой в роли вахтерши, купили в автомате бахилы и, щеголяя синими пластмассовыми «закорючками», натянутыми на туфли, в халатах, небрежно накинутых на плечи, по лестнице поднялись на третий этаж. Там в одной из палат находился таксист, который был хоть и хлипенькой (в плане следствия), но – реальной ниточкой. Ведь каждый пустяк, который сохранился в его памяти, мог стать серьезной зацепкой для дальнейшего расследования.

В палату к таксисту оперов проводила дежурная медсестра – круглолицая, улыбчивая блондинка. Помещение на шесть коек было заполнено «под завязку» травмированным контингентом, в основном из числа пострадавших в ДТП, с гипсом на руках, ногах, шеях... Кто-то лежал, безучастно глядя в потолок, кто-то читал газету, кто-то обсуждал с соседями особенности своего перелома. Указав на рослого парнягу с гипсом на ноге и сплошь забинтованной головой, медсестра шепнула, что к нему несколько минут назад приходил какой-то «обглодыш», который начал бузить, и ей пришлось его выпроводить. Увидев двух рослых, физически очень даже не слабых граждан, таксист нахмурился и воззрился в их сторону колючим, неприветливым взглядом. Обернулись к ним и все прочие обитатели палаты. В воздухе повисла напряженная тишина. Когда визитеры подошли к таксисту и поздоровались, он в ответ лишь буркнул что-то маловразумительное, но тут же, как видно, с ходу закипев, яростно стукнул кулаком по постели и с нотками гнева выпалил:

– Мужики, вы совесть-то поимейте! Я в гипсе лежу! Какие сейчас могут быть разборки?! Тем более что он сам во всем виноват, этот ваш хмыренек! Он сам мне выскочил в лоб на встречу! Мне что, надо было людей давить, чтобы его жестянка не помялась?!

– Это точно! – для чего-то взявшись за костыли, прогудел мощный дядька пенсионного возраста с гипсом на левой руке и ноге. – Чего привязались к человеку?!

– Стоп, стоп, стоп! – вскинул указательный палец Лев. – Мы не по поводу ДТП, у нас другие вопросы.

– А откуда вы? – настороженно спросил таксист.

– Мы из угрозыска... – лаконично объявил Станислав, показав удостоверение. – Полковник Крячко, полковник Гуров.

– Час от часу не легче! – всплеснул тот руками. – Ну, японский городской! Что, уже и дело начали шить уголовное?

– Нет, нет, насчет этого волноваться не стоит, – приятельски улыбнулся Лев. – Тебя как зовут-то?

– Николай Бескумов...

– Замечательно! Меня зовут Лев Иванович, моего коллегу – Станислав Васильевич. Так вот, Коля, нас край как интересуется твой пассажир. Расскажи нам о нем все, что можешь. Важна каждая мелочь.

– А он что, шпион какой-нибудь, что ль? – озадаченно приглушив голос, уточнил таксист.

– А почему ты считаешь, что он может быть шпионом?

– Так он же, скорее всего, англичанин. А иностранцев я с ходу по морде узнаю. К тому же говорил он с жутким английским акцентом, как будто непрожеванной горячей картошкой давился, типа: файв-фэйв-фоу... – Парень удачно спародировал особенности английского произношения.

– Да нет, Коля, подозревается он в обычной «уголовке», – пояснил Гуров. – Но о подробностях ничего сказать не можем – это пока что тайна следствия. Чем еще он тебе запомнился кроме своего, скажем так, «нагло-саксонского» акцента?

Немного подумав, вздыхая и хмурясь, таксист начал рассказывать, правда, с долгими отступлениями от темы и философскими рассуждениями – чувствовалось, что ему хочется выговориться. По его словам, нынешний день у него не задался с самого утра. По его определению, «не день вышел, а хренота сплошная». То алкаша какого-то он вез, хотя и прилично одетого, которого в дороге на ходу вдруг начало выворачивать от излишне принятого, и Николай еле успел остановиться и открыть дверцу, чтобы тот не уделал кабину. То почти через всю столицу вез какую-то «овцу потную», которая хотя и сделала предоплату, но потом наездила еще на столько же. А когда разъезды закончились, пассажирка объявила, что денег у нее больше нет и она может заплатить или «натурой», или оставит в залог свой телефон.

– Телефон у нее – вообще полный хлам, – возмущенно махнул рукой Николай. – А ее «натура» – и на черта мне не нужна! Короче, послал ее в одном известном направлении и махнул мимо гостиницы. Авось, думаю, судьба подкинет денежного клиента. И – точно: сел ко мне этот раззвиздьяй англосаксонский. Только зря я обрадовался! Едем... И тут, на улице Сосновской – опаньки! – со встречной полосы мне прямо в лоб сигает этот гребаный «Гелендваген». А полос-то всего две – улица узковатая, и если вправо уйти от удара – людей подавить можно. Там, блин, на автобусной остановке целая толпа стояла, человек восемь – не меньше. Правда, от лобового я все-таки сумел увернуться, но весь левый бок он мне прохреначил от мотора до задних фонарей. Удар был такой, что я об стойку лобового чуть башку не разбил...

Как видно, свежие воспоминания о недавнем ДТП оказались для него слишком болезненными – Николай, зажмурив глаза, мучительно поморщился. По его словам, он сразу даже не понял, что его голень сломана. Когда из «Гелендвагена» выскочил какой-то прыщавый юнец, который явно был «под газом», и начал «качать права», Бескумов тоже хотел выйти из машины, но вдруг ощутил в левой ноге сильнейшую острую боль и лишь тогда понял, что она сломана. Оглянувшись, таксист увидел, что и его пассажир тоже довольно крепко пострадал – в момент столкновения машин он обо что-то ударился лицом и разбил его в кровь.

Нешадно ругаясь на родном языке (запомнилось общеизвестное «Фак юу!!!»), американец трясущимися руками достал из кармана носовой платок и, глядя на себя в салонное зеркало, насколько это было возможно, стер с лица кровь. Но, поскольку лицо все еще было измазано кровью, он взял лежавшую на заднем сиденье бутылку минералки и, намочив ею платок, протер лицо еще раз. После этого открыл заднюю правую дверцу такси – левую наглухо заклинило – и, кинув пять долларов на сиденье, выскочил на тротуар. Быстро оглядевшись по сторонам, он куда-то торопливо зашагал, покачиваясь и припадая на правую ногу. При этом, как заметил таксист, словно от кого-то таился. Николай позвонил в «Скорую» и гаишникам. Виновник аварии, только что оравший на всю улицу про «всякое быдло криворукое», тут же запрыгнул в свою машину и куда-то быстро уехал.

Потом к месту ДТП приехали гаишники и стали составлять протокол. Хотя Николай чувствовал себя все хуже и хуже, он дождался завершения документального оформления ДТП и лишь после этого переместился в «Скорую», которая доставила его в больницу. Что ему бросилось в глаза – гаишники, в самом начале изучения происшествия однозначно трактовавшие таксиста как потерпевшего, а балбеса, выскочившего на «встречку», – как заведомого виновника, вдруг свое мнение «подкорректировали». Когда им стал известен номерной знак виновника ДТП, их обвинительный пыл как-то сразу стал угасать, и они, поскучнев, отчего-то вдруг обнаружили и в действиях Николая некие нарушения, которые, впрочем, озвучивать не стали.

А к таксисту, едва он в больнице прошел все необходимые хирургические процедуры, полагающиеся в случае перелома голени и черепно-мозговой травмы, прямо в палату притащился какой-то хамоватый мужичок, который представился как «адвокат потерпевшего». От него Бескумов узнал, что, оказывается, это он во всем виноват, а вот владелец «Гелендвагена» пострадал из-за нарушения таксистом сразу нескольких положений ПДД. Поэтому Бескумов будет обязан компенсировать не только разницу в страховой выплате и реальной стоимости ремонта «гелика», но и раскошелиться на оплату морального вреда. Присутствовавшая при этом разговоре медсестра Вера, опасаясь за состояние Николая, взашей выгнала из палаты этого жулика при адвокатской должности. Но тот, уходя, пригрозил ей, что «с этим козлом» скоро придут поговорить другие, «серьезные люди».

– Номер машины аварийщика запомнил? – поинтересовался Станислав, доставая свой телефон.

– На память не жалеюсь... – Поморщившись, таксист провел ладонью по лицу и продиктовал номер «Гелендвагена».

Созвонившись с информотделом, Крячко поручил его сотрудникам установить личность владельца этого авто. Бескумов, возвращаясь к вопросу о Фэртоне, припомнил, что американец всю дорогу отчего-то очень нервничал, как будто кого-то сильно боялся. Он сидел на заднем кресле прямо за спиной водителя, и тот в салонном зеркале видел, что клиент весь на нервах, без конца ворочается, словно сидит на иголках, и поминутно оглядывается назад. Кроме того, Фэртон без конца донимал Николая расспросами о том, когда же, наконец, они будут в Шереметьеве.

– Как же он достал меня своими стонами! Впору было остановиться и выставить его из машины. – Бескумов при этих словах вновь болезненно поморщился. – Собственно говоря, мне отчасти и досталось так крепко из-за его нытья. Он, зараза, так заморочил мозги, что я, когда тот debil на «Гелендвагене» вылетел мне в лоб, толком не сумел сгруппироваться и поэтому получил по полной. Теперь вот не знаю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.